

Е. А. ГЛУШАКОВА,
магистр политических наук,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
E-mail: lizaveta0320@gmail.com

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ МЕТАМОДЕРНИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Анализируется концепция метамодернизма с позиций ее эвристического потенциала для развития политической науки. Автор экстраполирует общую концепцию метамодернизма как структуры чувства на компоненты политической системы и политические процессы. Особое внимание уделено попытке концептуализировать политологический метамодернизм как релевантную систему понимания, анализа и прогнозирования актуальных политических процессов, событий и закономерностей. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о влиянии метамодернизма на актуальную политическую повестку, так как фактор риска в метамодерне определяется снятием запрета на насилие (реальное и символическое).

Ключевые слова: метамодернизм, политика, осцилляция, политический метамодернизм

E. GLUSHAKOVA,
Master of Political Sciences,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: lizaveta0320@gmail.com

HEURISTIC POTENTIAL OF APPLYING THE CONCEPT OF METAMODERNISM IN POLITICAL SCIENCE

The concept of metamodernism is analyzed from the standpoint of its heuristic potential for the development of political science. The author extrapolates the general concept of metamodernism as a structure of feeling to the components of the political system and political processes. Special attention is paid to the attempt to conceptualize political science metamodernism as a relevant system of understanding, analysis and forecasting of actual political processes, events and patterns. The question of the influence of metamodernism on the current political agenda remains debatable, since the risk factor in metamodernism is determined by the removal of the ban on violence (real and symbolic).

Keywords: metamodernism, politics, oscillation, political metamodernism

Кризис и разочарование в идеалах постмодернистской парадигмы миропонимания подтверждает трансформационный потенциал современности. «Постмодернизм воспринимается многими как умозрительная конструкция, неоправданно растиражированная философами и литературоведами, а многие его критики констатируют смерть постмодернистской идеологии, при этом не предлагая сколь-нибудь внятной позитивной альтернативы» [1].

Критика постмодернизма связана с значительной волной его влияния на политическое пространство: популяризовались концепты плюральности, эклектичности, гетерогенности, релятивизма и символизма, что в итоге сформировало теоретический подход в политологии, обозначаемый термином «политологический постмодернизм». Феномен гибридных идеологий (феминизм, альтерглобализм, экологизм и др.), политико-правовая деконструкция, тотальная и безграничная плюральность, новые политические технологии (манипуляция политическим дискурсом, политический фрейминг, использование симулякров); шоу-политика стали обликом политической действительности и предметом политологического постмодернизма.

Французский политический философ К. Лефор отмечал, что в мире возникает новое общество, в котором власть, право и знания испытывают радикальную неопределенность [2]. Английский литературовед и теоретик культуры А. Кирби пишет о смерти постмодернизма, вместо которого зарождается «новая парадигма авторитета и знаний, сформированная под давлением развивающихся технологий и современных социальных сил» [3].

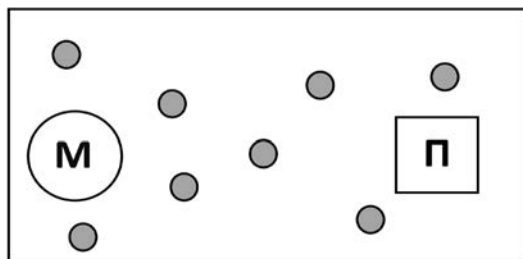
Исследовательский интерес вызывают трансформации в политической сфере, не отвечающие законам постмодернистской логики. Здесь появляется запрос на объяснение новых политических форм.

Период, следующий за постмодернизмом, исследователи обозначают как «пост-постмодернизм» (зонтичное понятие), который наполнен следующими вариациями: неомодерн, метамодерн, ремодерн, гипермодерн, космодерн, реновализм, диджимодерн, автомодерн, псевдомодерн, альтермодерн. В представленном перечне наибольшей популярности достиг концепт метамодерна. *Политический метамодернизм* есть новый взгляд на политику, модифицирующий не только внешние формы, но и внутренние политические смыслы.

Исследование нового концептуального оформления общества (метамодернизм) и пересмотр традиции постмодернизма отличаются высокой актуальностью и вызвали интерес у ряда исследователей, таких как Т. Вермюлен, Р. Аккер, Л. Тернер, А. Гиббонс, Х. Фрейнахт (псевдоним Даниэля Гёрца, шведского интеллектуала и политического теоретика), А. Кирби, Б. Демпси, Д. Сторм, Ю. Тауфик, Д. Хохлова, Д. Поляков, И. Филатов, О. Митрошенков, Д. Соловьев, Д. Егоров, Н. Афанасов, Г. Ирицян.

Цель статьи – определить эвристический потенциал концепции метамодернизма в рамках развития политологического знания.

Авторы концепта метамодерна Т. Вермюлен и Р. Аккер представляют его нам не как философию, программу, систему или движение, а исключительно в качестве «структуры чувств» [4]. Исследователи вводят в научный оборот «незамкнутую» структуру, имеющую собственные формы восприятия. Эти формы не отрицают модерн и постмодерн, они осциллируют (колеблются) между двумя мировоззренческими системами (см. рисунок).

Осцилляция метамодернистских структур чувств (●) между «модерном» (М) и «постмодерном» (П) (разработано автором)

По мнению В. Гагина, метамодерн предлагает радикальную открытость, устремленность к трансцендентному, уход от стандарта в пользу творчества, становясь истиной где-то посередине универсальных истин и радикальных идей модерна и постмодернистским отрицанием, и сомнением [5]. Метамодернистская структура чувств выступает исследовательским полем, которое наполняется различными концепциями, к примеру, культурная концепция метамодернизма, философская концепция метамодернизма, психологическая концепция метамодернизма, и наполняет их интегративной онтологией.

Метамодернизм также влияет на политическое пространство и политические отношения, наполняющие это пространство. Обратим внимание, что метамодернистские установки в политике колеблются от модерна к постмодерну, следовательно, политика сегодня включает в себя установки как прямой рациональности и силы, так и символизма и плюральности. Например, феномен «цветных революций», который принято считать продуктом постмодернизма, отличается метамодернистской релевантностью, то есть представляется нам как метаморфозная форма осцилляции между модерном и постмодерном: ни одна «цветная революция» не обошлась без жертв и насилия, что говорит о ее современном начале, однако такие революции напрямую не предполагают использование фактора силы, а задействуют постмодернистскую перформативность.

Несмотря на тот факт, что существует достаточное количество исследователей и работ, описывающих сущность метамодерна, данный концепт фиксируется преимущественно как философская и культурологическая теория, при этом абстрагируясь от политэкономической тематики современности и эволюции капитализма последних десятилетий [6, с. 160]. Такое замечание имеет под собой рациональное основание в части проблемы редуцирования описательных моделей метамодерна, исключая политические и политически релевантные аспекты и формы.

Шведский интеллектуал и политический теоретик Х. Фрейнахт в своих работах «Слушающее общество» (2017 г.), «Скандинавская (нордическая) идео-

логия» (2019 г.) выдвинул и обосновал концепцию политического метамодернизма. Цель политического метамодернизма у Х. Фрейнахта – перевод «современной» стадии развития общества (либеральная демократия, партийная политика, капитализм, государство всеобщего благосостояния) к следующей стадии развития – «метамодернистской». Новая стадия (метамодернистская) «стремится превзойти либеральную демократию как политическую систему, превзойти все политические партии и их идеологии, превзойти капитализм как экономическую систему, а также превзойти и заменить нашу нынешнюю систему социального обеспечения» [7].

По мнению шведского исследователя, политический метамодернизм полезен для решения проблем общества, таких как экологический кризис; нестабильность экономики; чрезмерное глобальное неравенство; широко распространенная тревога, или «отчуждение», которую испытывают современные люди; проблемы глобальной миграции; переход к постиндустриальной, роботизированной и цифровизированной экономике; проблемы транснационального управления [7].

В свою очередь О. А. Митрошенков выделяет четыре концептуальные рамки, с помощью которых представляется возможным идентифицировать метамодерн как новый виток развития системы общественных отношений: виртуализация пространства социальных взаимодействий, «глокализация» сообществ в рамках глобализации, транссентиментализм, созидание технообразов, служащих своеобразными аттракторами социальных взаимодействий [8].

«...Характеристикой этого нового исторического поворота, – отмечает Д. Б. Поляков, – является реконфигурация неолиберализма или очередная модернизация капитализма, вызванная повсеместной компьютеризацией и распространением социальных сетей» [9, с. 60]. По мнению Д. А. Соловьева, «ориентация на реальные вещи, интерес к первопричине, прагматизм, бинарные оппозиции, поиск аутентичности, историзм, реконструкция, дуальность, колебание между парадигмами модерна и постмодерна» есть репрезентация сущности метамодернистских начал в социальной среде [6, с. 165].

Далее Д. А. Соловьевым проведен сравнительный анализ экономических тенденций XXI века с философско-культурологическими основами метамодерна, на основании чего он делает выводы о наличии корреляции, что доказывает факт «зарождения» метамодернистских установок в современном обществе (табл. 1).

Автором данной статьи была переработана концепция А. Д. Соловьева путем экстраполяции на политическое пространство, политические институты и политические процессы (экономические тенденции XXI века были заменены на политические тенденции XXI века) (табл. 2).

Специфика трендов в 20-е годы XX века во многом обусловлена метаморфозными следствиями повсеместной цифровизации и медиатизации, а также

Эвристический потенциал применения концепции метамодернизма

внедрением в общественно-политическое пространство технологий искусственного интеллекта. При этом «социальные сети, мессенджеры и другие цифровые платформы, помимо декларируемых возможностей быстрого и удобного обмена информацией и организации взаимодействия людей на расстоянии, стали также неотъемлемой частью современных “гибридных войн”» [10]. Метамодернизм сохраняет тенденцию к информатизации и медиадизации политических процессов.

Таблица 1. Соотношение экономических тенденций XXI века и философско-культурологических основ метамодернизма [6, с. 164–165]

Экономические тенденции XXI века (базис)	Философско-культурологические основы метамодернизма (надстройка)
Возрастание социального неравенства, отсутствие стремлений к его преодолению; замедление социальной мобильности	Ориентация на реальные ситуации и вещи
Возрождение традиционных основ новоевропейского (дерегулированного) капитализма	Интерес к первопричине; историзм; реконструкция; поиск аутентичности
Реставрация классической поляризованной модели социальной структуры (элита – массы)	Бинарные оппозиции; дуальность
Сокращение государственных затрат на социальную сферу	Прагматизм

Таблица 2. Соотношение политических тенденций XXI века и философско-культурологических основ метамодернизма

Политические тенденции XXI века	Философско-культурологические основы метамодернизма
Перенос или копирование части политических процессов в цифровое пространство; применение искусственного интеллекта в политике	Виртуализация (цифровизация)
Актуализация феномена «исторической памяти», «политики памяти»; расширение коммеморативных практик	Интерес к первопричине; историзм; реконструкция; поиск аутентичности
Использование идеологии «нового популизма» (правый популизм + левый популизм) на фоне процесса пересмотра отношения к идеологии	Бинарные оппозиции; дуальность
Рост влияния консервативно настроенных политических сил	Транссентиментализм
Феномен «цветных революций»	Осцилляция

Усиление миграционного кризиса, отсутствие достаточного уровня поддержки населением политических элит (например, Германия, О. Шольц), а также активизация процессов по «переписыванию истории» – тенденции, формирующие запрос на рост влияния национализма как идеологии, расширение коммеморативных практик, институционализацию феномена «исторической памяти».

Идейные основания постмодернизма стали предпосылкой для возникновения новых идеологий – гибридных. Гибридная идеология – эклектичная система взглядов, не имеющая четкого концептуального основания и ориентации на определенного социального носителя, характеризующаяся стремлением к интеграции с другими идеологическими течениями (феминизм, антиглобализм, экологизм). Классические идеологии по-прежнему репрезентативны в публичном дискурсе, однако трансформируются, приобретают качества и характеристики гибридных идеологий для того, чтобы не утратить своего влияния. В свою очередь, метамодернистское идеологическое пространство предполагает ситуацию пересмотра отношения к институту идеологии: на смену эклектичным мозаичным идеологическим течениям постмодернизма приходят строго выверенные идеологии, как правило, националистического и патриотического толка. Рост популярности национализма связан с миграционным кризисом и потерей национальной идентичности. «Новый национализм вызван к жизни тем, что значительное число европейцев не смогло приспособиться к условиям постиндустриального этапа и глобализации. Одним из главных приоритетов нового национализма является защита национальной идентичности от иммигрантов, изменение иммиграционной политики властей в своих странах», что касается прежде всего политики стран Европейского союза [11, с. 88].

Сущностными отличиями цветных революций от революций в классическом понимании следует считать: ненасильственный характер; осуществление борьбы психологическими, экономическими и политическими средствами и методами; разрешение проблем цивилизационного, а не формационного блока. Однако обратим внимание на то, что зачастую эти процессы и события идут параллельно с применением силы в ее классическом понимании, что делает феномен «цветных революций» маятником, который раскачивается от состояния «жесткой силы» к состоянию «мягкой силы».

Определим группу факторов, с помощью которых мы можем идентифицировать и фиксировать метамодернистские тенденции:

– рост популярности национальных идей (Д. Трамп и его лозунг «Сделаем Америку снова великой»; возрастание интереса к партии Альтернатива для Германии);

– ориентация на государственный строй и его защиту (метаморфозные состояния суверенитета, к примеру, электоральный суверенитет, информационный суверенитет);

– институционализация «исторической памяти» и «политики памяти», распространение коммеморативных практик как политико-управленческих технологий воздействия на массы;

– переход от мультикультурализма, глобализации к идеям регионализации и постглобализации/деглобализации (нарастание миграционного кризиса);

– «реконструкция» идеологии: от деидеологизации к реидеологизации («снятие» постмодернистского запрета на идеологии и возрастание роли «нового популизма», отражающего метамодернистскую дуальность). К примеру, А. Меркель может рассматриваться как представитель нового популизма: внешняя политика Германии выстраивается по логике единого политико-экономического европейского пространства, а внутренняя является спорадической, с опорой на общественную поддержку и тренды [12];

– продолжающаяся сетевизация, то есть функционирование сетевых движений протестного толка, направленных против неравенства, нарушения демократических прав и свобод, мигрантов (к примеру, движение Оссуру, политические перформансы альтерглобалистов) [9].

Эвристический потенциал концепции метамодернизма в развитии политической науки обусловлен релевантностью предлагаемой системы принципов и объяснительных конструкций к политической действительности. Цифровизация и использование искусственного интеллекта, популяризация коммеморативных практик, институционализация «исторической памяти», реидеологизация и укрепление позиций «нового популизма», а также смещение центра влияния от глобализации к глокализации и регионализация рассматриваются нами как индикаторы метамодернистских установок в политике.

После периодов модерного «варварства» и постмодернистской тотальности запретов мы пришли к новому состоянию, когда характеристики модерна и постмодерна нашли точки консолидации и не отрицают друг друга. Новая «структура чувства» ориентирует нас на выбор между формами прямого насилия и мягкого символического воздействия. Метамодерн опасен тем, что снимает запрет на насилие. В связи с этим сегодня необходимо уметь находить баланс и оставаться в метамодернистском ядре – метаксисе.

Список использованных источников

1. *Емелин, В. А.* Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 2 (26). – С. 5–15. – DOI: 10.11621/npj.2017.0202
2. *Lefort, C.* Democracy and Political Theory / C. Lefort ; transl. by D. Macey. – Cambridge : Polity Press in association with Basil Blackwell, Oxford, 1988. – viii, 295 p.
3. *Кирби, А.* «Смерть постмодернизма и не только». Философия сейчас / А. Кирби. – 2006. – URL: <http://art-tech.arts.ufl.edu/~jack/home/images/a/ae/DoPaB58.pdf> (дата обращения: 30.03.2025).
4. *Вермюлен, Т.* Заметки о «Заметках о метамодернизме» / Т. Вермюлен, Р. ван ден Аккер ; пер. В. Сербинская // METAMODERN: журнал о метамодернизме : [интернет-журнал]. – URL: <https://metamodernizm.ru/misunderstandings-and-clarifications> (дата обращения: 14.03.2025).

5. Гагин, В. Постмодернизм спутал способ достижения цели с самой целью / В. Гагин // Retrieved from Stenogramme: проект о культуре, искусстве и неформальных практиках существования : [сайт]. – 2016. – URL: <https://stenogramme.ru/b/the-hunt/metamodern.htm> (дата обращения: 14.03.2025).

6. Соловьёв, Д. А. К философскому обоснованию теории метамодернизма: социально-экономический аспект / Д. А. Соловьёв // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 1. – С. 159–171. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-filosofskomu-obosnovaniyu-teorii-metamodernizma-sotsialno-ekonomicheskij-aspekt> (дата обращения: 01.04.2025).

7. Freinacht, H. The Listening Society: Possible and Necessary / H. Freinacht // METAMODERNA : [site]. – 29 August, 2017. – URL: <https://meta-moderna.org/the-listening-society-possible-and-necessary/> (date of access: 05.03.2025).

8. Митрошенков, О. А. Постпостмодернизм как предчувствие / О. А. Митрошенков // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postpostmodernizm-kak-predchuvstvie> (дата обращения: 25.03.2025).

9. Поляков, Д. Б. Политическое измерение метамодернизма / Д. Б. Поляков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 2. – С. 58–66.

10. Капитанов, А. Дипфейк: невинная технология для развлечения или угроза современному обществу / А. Капитанов, Ю. Линдре // Российский совет по международным делам : [сайт]. – 22 сент. 2022. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu/?ysclid=m9lfe2mltu899468446> (дата обращения: 01.04.2025).

11. Узнародов, И. М. Новый национализм в современной Европе / И. М. Узнародов // Современная Европа. – 2015. – № 5 (65). – С. 79–90.

12. Хохлова, Д. Д. Как метамодерн привел к политической сатире и новому популизму / Д. Д. Хохлова // Власть. – 2017. – № 8. – С. 59–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-metamodern-privel-k-politicheskoy-satire-i-novomu-populizmu> (дата обращения: 08.03.2025).

Поступила 11.05.2025 г.